

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Бурлай Е.В.

ПРОКЛЯТАЯ В ГЛАЗАХ ПРАВА... (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ)

Политика во все времена сохраняла злоупотребления,
на которые жаловалось правосудие.
Ф. Вольтер.

Политик напоминает мне человека,
который убил отца и мать,
а затем, когда ему выносят приговор,
просит его пощадить
на том основании, что он – сирота
А. Линкольн

Появление этих коротких заметок в существенной мере вызвано фактом опубликования харьковским издательством «Право» материалов международной научной конференции «Трансформация политики в право: различные традиции и опыт» (Киев-Харьков, 9-12 ноября 2005). В них представлено множество интересных размышлений о путях развития права и правовой системы Украины в ее важнейших аспектах, о научно-теоретических исследованиях в этом плане, но главное – о выведении политической действительности Украины на тот уровень качества, который позволил бы применить к ней определения «правовая», «правомерная», «соответствующая праву» и им подобные. Речь идет о положении вещей, при котором политики и важнейшие политические институты действительно озабочены реализацией высоких стандартов прав человека в их современной интерпретации и сами действуют на началах права (вне политического, административного, силового и иного произвола). На адекватную диагностику и выработку эффективных рецептов в этом плане и нацеливала принципиальная формулировка темы конференции. Ее организаторы отталкивались от презумпции, что «трансформировать политику в право» теоретически возможно и практически необходимо.

Помещенный ниже материал несколько диссонирует с этими размышлениями и может переживающему за дело исследователю показаться излишне упрощенным и радикальным. Вероятнее всего, так оно и есть; рискованно отрицать его очевидную дискуссионность. С другой стороны, в нем предпринята попытка проанализировать соотношение явлений политики и права с учетом четкого смысла терминов, которые их обозначают. Последовательно проводимый понятийный анализ при

исследовании традиционных объектов (таковы, в частности, политика и право) нередко дает интересные, порой неожиданные результаты. При определенной односторонности и условности он оказывается весьма полезным для понимания того, что происходит в сложном человеческом обществе, вынужденном функционировать как по политическим законам, так и по требованиям права.

Предлагаемые ниже тезисы в виду ограниченного объема публикации сформулированы очень лаконично. Но историческая, социологическая и иная информация, многочисленные высказывания серьезных аналитиков разных времен и народов, собственный беспристрастный анализ читателя могут помочь ему тогда, когда обоснованность тезисов покажется недостаточной*.

Видимость и реальность.

Мы живем среди постоянных и настойчивых призывов (требований, предписаний, логических обоснований, проповедей, увещеваний, заклинаний) сделать жизнь украинского общества в различных ее проявлениях «правовой», то есть, привести ее в соответствие с принципами и требованиями права (существа которых мы пока не касаемся).

Этот факт сам по себе весьма любопытен. Хорошо известно, что правовая инфраструктура Украины более чем богата. В ней есть все что угодно. Постоянно функционирующий законодатель и разветвленное прямое и делегированное законодательство по разнообразным вопросам общественной жизни. Сложная система правосудия (суды общей юрисдикции, специализированные суды, Конституционный Суд) плюс специальная система обеспечения их деятельности (Высший Совет Юстиции, судебная администрация и пр.). Институты обеспечения подготовки, принятия и исполнения судебных решений (прокуратура, адвокатура, дознание, следствие, органы юстиции). Парламентский омбудсман. Развитая система контроля выполнения установленных государством норм. Насыщенный рынок юридических услуг, традиционная система юридического консультирования публичных учреждений. Масштабная система подготовки юридических кадров, научной юриспруденции (специализированная Академия правовых наук, академический институт государства и права, разнообразные исследовательские центры). Мощные информационные ресурсы и проч.

Многое, очень многое включает в себя правовая действительность Украины... Кроме одного: достаточной уверенности многих из тех, кто имеет счастье в ней жить и трудиться, в надлежащей правовой защищенности, в том, что их актуальные

* Еще один момент в предлагаемой работе хотелось бы сразу объяснить и по возможности оправдать. Речь о ее стиле. Серьезному исследователю либо тому, кто оценивает текст на сугубо формальных основаниях, стиль статьи покажется излишне публицистичным, недостаточно академичным, легковесным. Заранее хотелось бы с этим не согласиться. Деревянный язык и унылый стиль (когда порой с трудом продираешься сквозь нагромождения всевозможных точек зрения, их крохоборческий анализ и за деревьями часто получаешь потерянный для взгляда лес) – далеко не обязательное условие разговора о серьезных вещах и научной дискуссии.

права определены и надежно обеспечены законодательно и институционально. Более того, судя по самым разнообразным проявлениям, состояние правовой незащищенности в последнее время обострено и крайне тягостно для подавляющего большинства украинского социума (рядовых граждан, инвесторов, предпринимателей, честных юристов...). Постоянным рефреном звучат призывы реформировать нашу национальную правовую систему из-за рубежа. Но те, кто имеет возможность наблюдать ее работу изнутри без очков с розовыми и иных цветов стеклами видят все гораздо резче и четче.

Такое противоречие выглядит не просто странным. Оно выглядит парадоксальным, противоречащим минимальному здравому смыслу и свидетельствует не столько о чем-либо субъективном желании, сколько об объективной потребности и для Украины собственноручно, подобно барону Мюнхаузену, вытащить себя за волосы из болота правовой неустроенности и привести основные сферы общественной жизни на должный уровень в плане требований права.

«Обелит ь Золушку» (облагородит ь Бабу-Ягу).

Звучат требования сделать «правовой» и украинскую политику.

Требование, казалось бы, естественное и не содержащее особых неясностей. Ибо некоторый усредненный стандарт понимания того, что такое «политика» и что предполагает применение к ней определения «правовая», в обществе ощущается. Но при более пристальном взгляде вопрос оказывается не столь простым.

Во-первых, как, действительно, понимать «политику»? Конкретные уточнения здесь необходимы, ибо речь идет о весьма трудноопределимом явлении; серьезных дефиниций существует великое множество. Во-вторых, что, действительно, означает определение «правовая»? Соответствующая требованиям права? Осуществляющаяся в сфере права*? Еще что-нибудь? Наконец, что должно обозначить понятие «правовая политика» по существу? Само его конструирование предполагает, что одному специфическому явлению придаются специфические свойства другого, что политика, в частности, получает некоторую «обработку» правом - видимо, с целью смягчения каких-то ее качеств либо придания новых, которыми она не обладает сама по себе. Возможно, таким же образом резкий спирт должен быть в нужной пропорции разбавлен качественной водой, чтобы превратиться в сбалансированный, приятный, столь любезный многим напиток... Никто не ставит вопрос буквально так, чтобы политика обратилась в право, а право – в политику, чтобы спирт превратился в воду, а вода – в спирт, чтобы одно явление полностью совместились с другим. Вместе с тем предполагается возможным и необходимым их разумное соединение.

* О возможных значениях рассматриваемого понятия см., например: Максимов С.И. Политика должна быть правовой: к проблеме взаимодействия политики и права в транзитивном обществе. - Трансформація політики в право: різні традиції та досвід: Матеріали міжнародної наукової конференції. – Х.: право, 2006. – С. 122 и сл.

Повторим: лозунг об обращении просто «политики» в политику «правовую» достаточно внятно показывает, как эти явления воспринимаются многими современными социумами в принципе. Политика в духе этого лозунга априорно признается институтом, несущим для людей определенные риски. Иначе не возникла бы потребность сдерживать ее посредством «обращения в право». С другой стороны, право предполагается именно тем средством, которое позволяет облагородить политику и адекватно ее реализовать. Тезис о «правовой политике», таким образом, – во многом оценочный, он констатирует ее несовершенство, необходимость уравновесить ее инструментами иного действия, обелить темное, обезвредить небезопасное. О тезисе обратного значения (трансформации права в политику и стремлении сделать право «политическим») практически не говорят*. Видимо, нет потребности.

Все же главное здесь, видимо, - не в оценках. Скорее в разнице объективных значений. Право и политика – самостоятельные социальные институты со своей особой сущностью, генетикой, смыслом бытия. У них различное функциональное предназначение, которое должно быть реализовано обязательно, иначе институт дисфункционален (бездействен, т.е. практически мертв). Поэтому уже априорно можно утверждать: сделать политику правовой, а право – политическим можно лишь в той мере, в какой не теряются сущностные качества этих явлений и не обесмысливаются соответствующие понятия.

Для подтверждения сказанного необходимо сказать чуть подробнее об институтах политики и права и определить их в понятиях применительно к данному контексту.

Выгрызть власть и уберечься от нее.

На вопрос о сущностных качествах политики коротко ответить весьма непросто по объективным причинам, чем и объясняется внушительное количество ее трактовок и определений.

Есть, однако, нечто, объединяющее большинство из них и, возможно, составляющее наиболее абстрактную, общезначимую характеристику политики. Это - связь с властью как способностью одних субъектов определять поведение других помимо их выбора. Момент власти в различных интерпретациях политики, включая древнейшие, встречается наиболее часто*. Соответственно есть весомые

* Встречающиеся иногда упоминания о «политическом праве» (см., например: Костенко О.М. *Культура і закон – у протидії злу: Монографія.* – К.: Атіка, 2008) оборачиваются в результате тем же тезисом о «правовой политике». А.Н.Костенко, в частности, определяет «политическое право» как «нормы, которых необходимо придерживаться в политике, чтобы в управлении общественной жизнью с помощью власти не нарушались законы социальной природы, иными словами, чтобы в политике не проявлялось своеволие» (С. 195).

* В какой-то мере об этом свидетельствует и сама этимология слова «политика». Оно, как известно, греческого происхождения. Ранняя форма государственности, т.е. организации власти в сложном дифференцированном обществе локально-территориального типа, называлась по-гречески «полисом», причем характерно, что полисная система – политическое достояние не только лишь одной античной

исторические и логические основания воспринимать политику как сферу социальной практики, связанную со стремлением социальных субъектов к обретению, удержанию и использованию власти в объеме, необходимом для достижения конкретных целей (получения конкретных результатов). Подобное понимание власти достаточно старо, но на научно-концептуальном уровне его наиболее внятно выразил выдающийся немецкий социолог Макс Вебер, поэтому приведенное определение - в духе веберовской традиции**.

Предложенное определение имеет существенное методологическое значение в том плане, что оно может быть распространено на большинство отношений власти-подчинения в дифференцированном обществе. В широких трактовках политики***, призывающих усматривать политический момент в различных вариациях властных отношений, есть своя логика и свой резон. Конечно, высший и наиболее резонансный уровень политики – это уровень социальных макрообразований (государств, крупных религиозных конфессий, транснациональных корпораций, влиятельных социальных движений интернационального масштаба, авторитетных политических партий и партийно-политических альянсов наднационального значения, международных организаций и пр.). Именно здесь проходят основные разломы земной политической коры, именно здесь – наиболее мощные средоточия

Греции. Свое видение наиболее совершенной формы правления (организации власти в полисе) один из наиболее известных античных мыслителей, Аристотель называл «политией». Существенно позже термином «полиция» стала обозначаться силовая структура в рамках государственной власти как носитель концентрированной власти. Характерно и то, что старинное наименование «полицейское право» служило в свое время синонимом современного термина «административное право».

** См. подробнее: Тоцкий В.П. Основы политической науки. – М.: МГУ, 2001; Політологія. Хрестоматія. Навчальний посібник.- Дніпропетровськ: Національна гірнича академія, 2002. – Частина 4.

*** См. подробнее: Хейвуд Э. Политология. Учебник для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. Добавим к этому, что подобный подход к пониманию политики – достаточно традиционен, и сошлемся на слова того же М.Вебера, который в хрестоматийно известной работе «Политика как призвание и профессия» писал, в частности: «Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем» (http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.htm). Добавим лишь, что понимание фактора руководства мы расширяем до фактора осмысленного целенаправленного влияния одних субъектов на поведение других с адекватной реакцией последних. При этом находим возможным опереться на авторитет Аристотеля, который в специальном рассуждении о политике, во-первых, ставил во главу угла «благой жизни» людей, прежде всего, фактор власти. Действительно, анализу сущности, видов, форм, социальных предпосылок, технологий власти (в частности, государственной, определяющей взаимоотношения свободных людей) и посвящена, в основном, его «Политика». Во-вторых, Аристотель признал элементом человеческой свободы стремление «жить, как каждому хочется», из которого, в свою очередь, вывел естественное человеческое стремление «не быть вообще в подчинении» (Аристотель. Политика. – Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль. – Том. 4. – С. 571).

властного ресурса, олицетворенного в соответствующих экономических и собственно политических институтах (правительства, армии, дипломатия, спецслужбы, силовые структуры контроля законности и пр.).

Но это не означает, что на иных этажах социальных иерархий, на уровне более простых социальных образований политика отсутствует. Политические отношения в конкретном объеме, качестве, проявлениях, технологиях имеют место в каждой группе, за исключением, может быть, простейших, ведущих гомогенное бесконфликтное существование. Ведь групповая жизнь невозможна без власти; группа всегда подразделена на лидирующий и управляемый (ведущий и ведомый) сегменты. Соответственно в ней постоянно решается проблема оптимизации управления, в том числе посредством борьбы за власть как жизненный ресурс и поиска каждым участником группы адекватного места в системе властных отношений. В том, чтобы найти в ней наиболее удобоваримое место, в стремлении так или иначе быть в ней субъектом (целенаправленно влиять на чье-либо поведение, в чем бы это не выразилось) и не оставаться абсолютным объектом влияния, и заключается, как представляется, сущность отношений политики.

В антропологическом измерении (как сфера жизненной практики отдельного человека) политика, таким образом, практически универсальна*. Она охватывает всех, кого по социальным характеристикам можно считать «субъектом» (тем, кто способен к сознательно-волевым целесообразным действиям**). Любой субъект как член социального целого неизбежно обозначает себя в системе отношений власти, положение в ней принципиально определяет его социальное бытие. Спектр субъективных стремлений при этом удивительно разнообразен - от маниакального стремления подчинять и властвовать до столь же решительного стремления держаться от центров власти как можно дальше и мечтать об одном: чтобы власть тебя забыла. Есть генетически иррегулярные люди, по природе не способные ни к подчинению, ни к руководству. Но это не означает, что они исключены из системы политических отношений. Этого не может быть по определению (разве что человек не осмысливает своего социального бытия и потому не есть субъект). Зато в доказательствах обратному недостатка нет. Каждый может вспомнить свою повседневную практику, свою иерархию, своих руководителей, своих подчиненных. Каждый может проанализировать свою роль в иерархии власти (тупую или гибкую, грубую или человечную, роль «независимого гордеца», «рубахи-парня», «незаменимого сотрудника», «прилежного исполнителя», «предупредительного помощника», приближающейся к роли подобострастного холуя...). Ролей в

* С позиций социальных психологов-бихевиаристов, власть – исходный пункт и конечная цель политического действия; «политический человек» – человек, стремящийся к власти. Весьма убедительны в этом плане рассуждения российского исследователя С.Каверина (см. об этом: Воронов И. Феномен власти: горизонты людского і політичного виміру. – К.: Генеза, 2005. – С. 13 и сл.).

** Иногда в специальной литературе можно встретиться с возвышенными рассуждениями о «политическом суверенитете личности» и необходимости со стороны официальных политиков строжайше его гарантировать (см., например: Гаєвський Б.А. Філософія політики. – К.: Вища школа, 2005. – С. 20 и сл.).

политической среде – множество, политика в большой мере – неустанное лицедейство вплоть до того, что маска, помогающая занять кому-либо сносное, сбалансированное положение в системе межчеловеческих зависимостей, срастается, как в великой пантомиме Марселя Марсо, в неразрывное целое с подлинным лицом.

Таким образом, каждый из нас – субъект в большой или малой политической игре, политическое существо в макро- или микромасштабе*. Каждый сообразует свое поведение в соответствии с наличными центрами влияния. И каждый сам стремится выступить фактором влияния настолько, насколько может это сделать по своим способностям и возможностям**. В любом случае путь в большую политику начинается с лидирующих ролей (явных или латентных, внятных или аморфных, формальных или неформальных) в небольших группах.

Влияние (властвование) и уход от них – важный момент для понимания сущности политики. Но влияние не самоцельно, власть не осуществляется ради власти (хоть это правило не без исключений). Влияние должно быть целесообразным, власть должна быть функциональной для среды, в которой она осуществляется. Поэтому активный политик (актор власти), чаще всего, – это не только носитель высокого психологического потенциала влияния, но и субъект, добившийся адекватной позиции в социальной иерархии. Позиция эта предполагает контроль группового (в т.ч. массового) поведения людей в той мере, в какой этого требует выполнение необходимой функции, определение конкретной цели и достижение адекватного результата. При этом влияние предполагает преодоление сопротивления, которое субъекты не могут не оказывать любому влиянию, предполагает в числе прочего и прямое насилие. Политик призван подчинить и организовать. Как это происходит, какие методы при этом используются, не существенно. Существенна результативность.

Существенное первично. Социальное поведение субъектов (индивидуальных либо коллективных) можно анализировать в различных измерениях (экономическом, правовом, моральном и пр.). Но если речь об измерении политическом (в контексте реализуемого властного влияния), то анализу подлежат,

* Здесь нельзя не отдать должного гению Аристотеля, определившего в свое время человека как «политическое животное», называвшего его «политическим существом» и мечтавшего о гармонии целого (государства) и единичного (человека), общего и частного в обществе, поделенном на рабов и свободных.

** О смысле и технологиях такого рода активности см., например: Грин Роберт. 48 законов власти. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003; Крафт Рубин Гретхен. Власть, деньги, слава, секс: руководство к действию. – М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003. Коваленко И.Н., Коваленко Н.П. Поведение и власть в организациях: Книга для руководителей. - Одесса: «Юридическая литература», 2003.

В данном контексте заслуживают безусловного внимания позиции представителей экономического неинституционализма, акцентирующих особенное внимание на факторе «обмена» в понимании феномена политики (традиция, идущая еще от К.Клаузевица, который определял «политику» через «торговлю»). Американский экономист Дж.Бьюкенен, например, определял политику как сложную систему отношений обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей (см. об этом: Мейтус Виктор, Мейтус Владимир. Политическая партия: стратегия и управление. - К.: Эльга, НИКА-Центр, 2004. – С. 23).

прежде всего, поставленная цель и достигнутый результат. Если реалистично определена и результативно достигнута цель - политика осуществлена и политик реализован. Техника достижения цели определяющего значения не имеет. Политик, удачно осуществивший свой проект, осуждению не подлежит, ибо победителей не судят; если же его судят – значит, он не победил. Кульбиты, на которые способен политик в погоне за необходимым результатом, прекрасно обозначает изречение А.Линкольна, послужившее здесь одним из эпиграфов. Еще одному заслуживающему доверия мыслителю, великому итальянцу Н.Макиавелли приписывают иное изречение: «цель оправдывает средства». Кажется, так буквально он нигде не выразился. Но основной смысл его «Государя» заключается во многом именно в обосновании этого тезиса. Н.Макиавелли грандиозен и велик как раз тем, что предельно точно, на уровне изысканной политической социологии определил сущность политики и обосновал технологии результативной политической деятельности на макроуровне.

И еще одно существенное замечание. Власть в человеческом обществе - колоссальный и особенно ценный ресурс. Он не только обеспечивает прямой доступ к ресурсам материального значения, но дает большее – комплексное материально-духовное (институционально-идеологическое) доминирование в конкретной социальной среде. Поэтому все прагматики истово стремятся к тому, чтобы быть причастными к центрам власти (предельная мечта – возглавлять их), и никогда не отдают власть, ожесточенно не кусаясь, подобно вечно голодной собаке, защищающей от посягательств добытую кость. Если власть и действенные инструменты власти отдаются без сопротивления, это может явиться поводом для поэтического восторга, но с политической точки зрения – это полный нонсенс, абсурд. Это сродни продаже особо ценного ресурса в условиях ненасыщенного им рынка и ажиотажного спроса на него по демпингу или отчуждению даром. Фигурально выражаясь, это форма опасного социального мазохизма, если вообще не социального суицида на почве политического помешательства. Особенно контрастно смотрится такой абсурд в сложных обществах, построенных на резкой дифференциации интересов и практике острых конфликтов. Закономерность цивилизованной жизни человечества такова, что серьезная власть выгрызается одним держателем у другого (даже при возможном сопровождении сладкими улыбками и реверансами). И этот приятный процесс также, пожалуй, можно считать сущностной характеристикой политики*.

Ars boni et aequi.

* Иногда политику в той части, в которой она получает «отрицательное измерение», называют «параполитикой» и подробно ее описывают (см., например: Холод В.В. Феномен парapolитики: идеи, свершения, социальные результаты. Монография. – Сумы: Университетская книга, 2003). По нашему мнению, речь не об особой разновидности политики, а о существенном аспекте характеристики политики как таковой. Любая политика имеет «фасадную» и «изнаночную» стороны, и то, что выставляется на «фасаде», не должно вводить в заблуждение.

О праве говорить, на первый взгляд, чуть легче, для юриста это более привычно. Но это не более чем на первый взгляд. На самом деле речь идет о явлении, еще более сложном и неуловимом в своем определении, чем политика. Объяснить это обстоятельство подробно объем публикации также не позволяет, поэтому обозначим лишь некоторые основные моменты общего видения права, используемого в данном конкретном случае. Они следующие.

1. Право есть тип социального регулирования с особой сущностью, природой, предназначением в обществе. Это важнейший тезис. Как социальный институт, дающий основу понятию с колоссальным значением, право подлежит строгой идентификации на основании отчетливых квалифицирующих признаков. Оно может сравниваться с иными сопоставимыми институтами (экономика, политика, религия, мораль, эстетика), оно может изучаться в плане того, как различные социальные институты и регуляторы взаимодействуют между собой. Но если кто-то утверждает, что в конкретном социуме существует и действует право, он должен быть доказательным и обозначить ряд моментов, принципиально отличающих право от всего прочего. Это элементарное даже с точки зрения формальной логики требование часто нарушается в специальных исследованиях (один из примеров смотри далее во фрагменте о соотношении политических и правовых норм).

2. К числу наиболее значимых признаков права как социального регулятора есть основания относить условное равенство взаимодействующих субъектов, взаимодействие их на началах обоюдной ответственности (обязанностей) и формальной определенности (в правовых отношениях все предельно точно обозначено и зафиксировано в надежных информационных источниках), наличие механизма внешнего принуждения их к выполнению таковых. Институционально наиболее очевидным признаком существования права в обществе выступают договорная практика (практика уравнивания людей в возможности влиять на характер взаимодействия между ними) и механизм юстиции (восстановления утраченного в результате произвольных действий взаимобязанных субъектов плюс кара за нарушение принятого режима), в какой бы примитивной форме все это ни осуществлялось. Предельной категорией, синтезирующей обе эти практики и концентрирующей в себе сущность правового регулятора (помимо самой категории «право»), выступает категория «справедливость». Именно так и определяли право древние римляне - *Ars boni et aequi*, «искусство добра и справедливости».

Древних римлян не упрекнешь в сентиментальности. Если они именно так определили право на понятийном уровне, можно поверить, что обеспечение «доброе» во всевозможных смыслах (имущество ведь – тоже «добро») и «справедливого» (когда каждый «получает свое», т.е. то, что он должен получить от своего окружения адекватно тому, что ему отдает или причиняет) есть нечто, характеризующее право в его наиболее глубинной сущности (как бы патетически это не звучало). Многие позднейшие трактовки права – не более чем перепевы короткой сентенции римлян.

В данном случае имеет смысл акцентировать внимание на сугубо конфликтном происхождении и самого правового регулятора, и соответствующей терминологии (быть правым, быть в своем праве можно исключительно лишь пребывая в споре, в конфликте). Есть достаточно оснований предполагать, что право формируется как реакция на глубинную дифференциацию общества по различным экономико-культурным основаниям, на появление практики острейшей конфликтности, включая практику смертельных антагонизмов (имущественные, витальные конфликты по образцу «кровной мести», войны, прочее). Эта практика обескровливает социумы, часто приводя их к гибели. С точки зрения закономерностей живого это – аномально (абсурдно), поэтому в социуме не могут не возникнуть защитные механизмы упреждения и гашения смертельно опасных конфликтов. Именно таковым и является право. Оно снижает конфликтный потенциал человеческих отношений посредством более-менее отчетливого определения параметров действий, позволяющих избежать опасного обострения в отношениях, но главное – посредством мирного (через процедуру спора и доказывания) способа разрешения конфликта в случае, если он все же возник. Механизм юстиции никогда не идеален, но он в любом случае предпочтительнее прямых столкновений конфликтующих сторон, несущих в худшем случае их гибель, в лучшем – разрыв социального контакта и конструктивного взаимодействия.

Чтобы подобный механизм работал, в нем все должно быть предельно формализовано – от статуса участников правовых отношений до конкретных порядков их действий по отношению друг к другу (процедур). А поскольку основная цель юстиции – восстановление утраченного или недополученного в ходе конфликта (насколько это возможно), полагается, что через этот механизм каждый может получить причитающееся ему, получить свое и остаться удовлетворенным. Собственно, это и есть механизм справедливости. Справедливость – древнейший социальный идеал, он всегда далек от своего надлежащего осуществления. Но, тем не менее, человечество, подобно Сизифу, непрерывно борется за него. И борется, прежде всего, именно посредством права, посредством сложного механизма, охватывающего множество необходимых технологических элементов (четко определенные статусы, правила основных действий, их понимание и готовность осуществить, властное вмешательство субъекта, разрешающего конфликт, если правила и принципы обоюдности нарушены, способность социума обеспечить выполнение этого решения, в т.ч. принудительно, пр.).

На основе сказанного право можно понимать как сферу социальной практики, в рамках которой устанавливаются, формализуются и поддерживаются (в том числе через механизм организованного принуждения) отношения равенства и справедливости между социальными субъектами.

3. На право, как можно видеть, падает огромная социальная нагрузка: действительно беречь мир в обществе, в котором каждый склонен вести войну с каждым, в котором имеет место ежедневная взрывоопасная ситуация. Именно поэтому оно должно срабатывать, преодолевая любое всевозможное

противодействие. Механизм балансирования, выхода на справедливый расклад, на восстановление равновесия, адекватной ответственности не должен зависнуть на уровне добрых намерений, он должен быть реализован в случае необходимости и через принуждение. Принуждение же предполагает власть, поэтому право почти во все исторические времена опирается на авторитет и силу власти. Более того, многие властные институты возникают именно для обеспечения выполнения правовых решений (тюремщик, мытарь, жандарм, палач, бейлиф и проч.). Рог изобилия в руках Фемиды в истории постепенно заменяется мечом*. Фактор роста функциональности права есть один из определяющих факторов количественного и качественного роста государства как властной организации сложного, дифференцированного территориального общества.

4. Из всего предыдущего следует также, что право не может выступать простым средством осуществления политики, ее служанкой, как это нередко провозглашается, ибо векторы их действия различны. Социальный смысл права – дать субъекту гарантированную возможность действовать более-менее уверенно, решать свои проблемы в условиях реальных или потенциальных конфликтов с ему подобными. Это – механизм защиты субъектности как таковой. В силу действия правового регулятора никто не должен препятствовать субъекту в его активности, коль скоро он в конкретном качестве охвачен сформировавшимся правопорядком; никто не должен злоупотреблять какими бы то ни было преимуществами перед ним. По закону политики более сильный и верткий неизбежно доминирует над слабым и неловким, ограничивая или уничтожая, тем самым, его субъектность. По требованиям же права сильный не может ограничить слабого в его самореализации – как минимум в четко определенных пределах. Напротив, по этим требованиям сильный должен сдерживать свои преимущества настолько, насколько это необходимо для самореализации других. Этот принципиальный момент соотношения политики (силы, власти) и права давно осмыслен и отчетливо сформулирован как закономерность и максима. *Sequi debet potentia justitiam, non praecedere* («сила должна следовать за правосудием, а не предшествовать ему»); *Inde datae leges ne fortior omnia posset* («законы были созданы для того, чтобы

* Опора права на власть! Именно она рождает иллюзию первичности государства по отношению к праву. Преобладание этой иллюзии – продукт новейшего времени, эпохи окончательного утверждения и функционирования иерархически построенных суверенных государств территориального типа. До этого государство выводилось в теории, как правило, как результат правового развития. Государство – вообще институт поразительный в том плане, что в нем в силу исторических причин совокупаются два диаметрально различных регуляционных фактора – политика и право. С одной стороны, государство – политический актер, субъект власти, диктующий суверен. И государство же – функциональный субъект в правовой системе общества, который, как субъект права, должен взаимодействовать с другими субъектами на началах формального равенства, взаимной ответственности, прав и обязанностей. Воплощение парадокса. Не стоит только полагать, что государство поглощает собой всю политическую и всю правовую системы общества

сильный не стал всемогущим») – можно ли для выражения этой закономерности выразиться точнее?

Таково соотношение политики и права в идеале, таков принцип. То, что он на практике постоянно и существенно нарушается, не меняет его содержания, не уничтожает и не унижает право, не является поводом для скепсиса, хотя скепсиса здесь всегда предостаточно. Ведь ничто в человеческом обществе не осуществляется абсолютно и безупречно. Любые правила, нормы, законы (даже включая природные) человек умудряется нарушить, и правовые требования и принципы здесь - не исключение.

На фоне такого рода рассуждений может возникнуть любопытный вопрос. Закон в «тесном смысле» (как говаривали в старинной литературе) этого слова есть акт волеизъявления высшего субъекта власти в государстве, кто бы им ни был (собрание представителей, монарх, президент, правящая группа и пр.). Соответственно закон – акт по определению политический, издаваемый во имя обеспечения (обслуживания) конкретной политической позиции. Закон есть мера политическая, есть политика (В.И. Ленин), и здесь нечего возразить. Но закон ведь одновременно – ведущий источник правовых норм, источник права, как утверждают учебники по теории права. Насколько же правомерно и логично в свете этого противопоставлять политику и право? Может быть, право действительно в наиболее продуктивных, действенных формах творится властью, политиками?

Вопрос, что называется, по существу. Но логичный ответ на него просматривается. Бесспорно, закон - незаменимое орудие реализации политики. Он же играет определенную, подчас существенную функциональную роль в правовом регулировании. И все же закон – далеко не все право в целом. Это совершенно нетождественные величины. Право как особый, сложный регулятор включает в свою структуру элемент создаваемого политиками законодательства (хотя исторически не всегда). Но одно лишь законодательство, взятое само по себе, по определению не способно обеспечить всей функциональной нагрузки, падающей на право. Что практически означал бы закон без адекватного механизма его применения, в частности, через механизм юстиции? Как вообще можно вообразить себе закон, логически не продолженный в его жизненном осуществлении судебным или иным конкретным решением? Возможно ли его бытие в отсутствие иных источников норм правового значения (договоров, обычаев, прецедентов, норм подзаконных актов)? Есть и более лиричные вопросы. Не является ли очевидным, что закон, будучи сносным как политический инструмент, может быть крайне ущербным как инструмент юридический и играть противоречивую роль в механизме правового регулирования (если о последнем вообще только можно серьезно говорить)? Не является ли очевидным то, что насильственное осуществление какого-нибудь дикого, произвольного закона автоматически и убийственно бьет по праву, сужает сферу действия правового регулятора?.. Не стоит забывать, что разрабатываемое политиками законодательство как элемент правовой системы – не более чем вынужденная форма эксплуатации политикой инструментальных возможностей права (определение и оглашение прав и обязанностей участников правоотношений, установление обязательных правил,

контроль их исполнения, сопровождение механизмом юстиции и пр.). Без обращения к этим инструментам политики в динамичном, сложном обществе просто технологически не смогли бы решать свои задачи. С другой стороны, именно наличие политической составляющей часто уродует до безобразия тот или иной правовой инструмент. Действительно, кому, кроме заинтересованного политика, приятно иметь дело, скажем, с явно тенденциозным, грубо пролоббированным («продавленным») законом или судебным решением, политическая или коммерческая заангажированность которого проступает явственнее, чем шило из мешка?

В завершение этого фрагмента стоит буквально в двух словах обратить внимание на близость таких социальных регуляторов, как право и мораль. Существенным фактором, сближающим их, есть примерно равное противостояние по отношению к политике. О том, насколько по определению моральна либо аморальна политика, постоянно ведутся жаркие споры. Во многом их провоцируют именно политики с целью «обелить Золушку» (облагородить Бабу Ягу). Ведь если в полной мере принять во внимание природу политики, несложно придти к выводу о чрезвычайно сложной совместимости политики и морали как институтов. Политика аморальна по преимуществу - при том, что отдельные политики, вероятно, честно хотели бы оставаться в рамках моральных и правовых принципов*. Однако, хоть когда-то и утверждалось, что эффективная политика по определению моральна (И.Бентам), это, видимо, точка зрения больших оптимистов и результат конкретной интерпретации морали.

«Им не сойтись никогда».

Итак, политика и право – разнопорядковые социальные практики. Политика реализует принцип влияния, подчинения, достижения цели любой ценой. Право реализует принцип обеспечения действий каждого в формально определенных рамках. Право уничтожает политику тем, что уравнивает субъектов взаимной ответственностью. В праве центры влияния (давления) исчезают, остается взаимодействие в рамках строго оговоренных прав и обязанностей.

В свете этого обстоятельства с неумолимой логичностью возникает вопрос: насколько в принципе возможна «правовая политика» и соответственно «трансформация политики в право»?

* Наверное, было бы избыточным упрощением утверждать, что все сто процентов людей, задействованных в политике, - злобные, аморальные и склонные к совершению правонарушений субъекты. Есть в этой среде люди вполне благородные. Другое дело, что законы политической борьбы и политической солидарности нередко вынуждают их вести себя против собственных принципов. Поэтому и получается, что благородство в политике – все же скорее исключение, чем правило (см. еще раз эпиграф 2). И действия политиков, реализующих власть во имя своих интересов и интересов своих ставленников, просто нивелируют, сводят к нулю усилия тех, кто, возможно, и хотел бы поддержать в политике высокие принципы права и морали. Как удачно высказался по этому поводу один умный прожженный американский политик, «стоит ли обращать внимание на тех жалких 90% политиков, которые портят благородную репутацию всех остальных?»

Отвечая на него, повторим: лозунг о внедрении в политику правовых принципов естественен. В чистом виде политика опасна. История свидетельствует: к политическому результату можно идти по головам, осуществление многих политических проектов дорого стоило народам разных времен и человечеству в целом. С точки зрения нормального порядка функционирования человеческих социумов это неоправданно, алогично. Факт бесконтрольного осуществления политического проекта – это часто травма общества, его болезнь, резкое падение жизненного потенциала. Поэтому в сложных, конфликтных социумах должны существовать демпферы, механизмы сдерживания, уравнивания политики и политиков.

Таково, в частности, право. Выше было показано, что оно по своей природе – действенный механизм ограничения, стреноживания излишне ретивых скакунов. Поэтому, повторим, политика и право в функциональном плане – антагонисты. Право предполагает взаимные обязанности (ограничения одного в пользу другого) и взаимную ответственность за их возможное нарушение. Политика же не терпит лишних ограничений. Формальная обязанность не остановит решительного политика, стремящегося к выигрышу в серьезном проекте. Нет такого преступления, которое когда-либо не совершалось во имя результативной политики и наоборот: преступление для политика порой - не более чем эпизод, неприятный оттенок совершенного действия. Осуществить акцию, которую чудачки-юристы после изрядной ломки головы смогут (да и смогут ли?) назвать «преступлением», - далеко не самая страшная проблема. Гораздо хуже проигрыш. Как тут опять не вспомнить* : «Это не преступление. Это гораздо хуже. Это ошибка...».

И все же политические практики различаются по степени их «правовой окультуренности». Не стоит полагать, что политическую сферу совсем уж никак нельзя облагородить в плане того, чтобы приучить и реальных политиков, и их агентов (и кукловодов, и марионеток) принимать во внимание принципы права, требования быть ответственными даже тогда, когда это политически невыгодно. Человеческое общество ценой огромных жертв и усилий выработало в ходе собственной политической истории конституционный механизм как систему шлюзов, в которые направляется бурный поток власти в рамках конкретных

* Эта фраза приписывается то наполеоновскому министру иностранных дел, епископу Талейрану («Грязь в шелковых чулках» - так называл его сам Наполеон), то наполеоновскому министру внутренних дел, священнику Фуше... Впрочем, едва ли это имеет существенное значение. Оба стояли друг друга, оба были непревзойденными политиками. Характернее другое: фраза была произнесена как выражение досады по поводу нештатного совершенного политического убийства. Она и на сегодняшний день – один из наиболее цитируемых политических афоризмов. Если верить высказываниям некоторых современных политологов, «количество преступлений, которые одни индивиды как частные лица совершают против других, значительно меньше количества преступлений, организуемых самой политической властью (Панарин А.С. Политология. Учебник. Изд. второе. – М.: ООО «ГК ВЕЛБИ», 2003. – С. 45).

территориальных границ. Оно выработало также систему хрупких институтов, кое-как сдерживающих власть в межгосударственном пространстве.

Но далеко не всегда эти шлюзы и институты спасают. Власть нередко затапливает их, перехлестывает через край, либо исподволь, незаметно размывает и просачивается, куда не должна. Так что переоценивать систему правового сдерживания политики не стоит, а в мечтах о ее правовой окультуренности есть смысл соблюдать разумную меру. Правовой на сто процентов политики никогда не было и не будет (см. первый эпиграф), на ней лежит проклятие быть в непреодолимом конфликте с правом (как и с моралью, сферой преимущественно балластной с политической точки зрения). Если же когда-нибудь будет достигнуто состояние, позволяющее реально говорить о «подлинно правовой» либо «подлинно моральной политике», то это будет означать, что в функциональном виде не существует ни первого, ни второго, ни третьего.

Норма чего?

Рассматриваемая проблема имеет еще один весьма любопытный аспект с существенным методологическим значением. Речь идет о понимании и соотношении политических и правовых норм. Понятное дело, этот вопрос не тождественен вопросу о соотношении политики и права в целом, поскольку ни политика, ни право как сложно структурированные институты не сводятся лишь к нормативным комплексам.

Интересен вопрос о технике превращений и взаимозависимости базовых категорий. Например, как соотносятся нормы политические и нормы правовые? Иногда говорят, что правовые нормы (конституционные и прочие) опосредуют нормы политические, выступая для них «формой». Дескать, политическое содержание «облекается» в правовую форму...

Очень сомнительный, хотя и распространенный тезис. Ведь конкретный тип норм создается не иначе как соответствующим типом поведения, социального взаимодействия. Политические нормы, например, – это работающие стандарты политического поведения и политических отношений, стандарты действий по эффективному обретению, удержанию и реализации власти. В силу своей результативности они и обретают обязывающее значение: для получения политического выигрыша их необходимо придерживаться, а необходимость – это реальная почва должного, обязательного.

А нормы права? Как они соотносятся с нормами политики? Ведь, как показывалось выше, право в каком-то пределе противостоит политике. Стало быть, и нормы права по своей направленности чувствительно несопоставимы с политическими.

Действительно, соотнося политические и правовые нормы, нельзя упускать из виду коренные различия политики и права как институтов. Это многое проясняет. Если сформулировать некоторую максиму, объединяющую единым смыслом нормы правового значения, она могла бы звучать примерно так: будь как субъект ответст-

венным по отношению к другому субъекту, действуй в рамках твердой обязанности по отношению к нему; блюди свое, соблюди и его право^{*}. В то время как максима политических норм (по логике института) может быть сведена к следующему: используй технику ответственности и собственных обязательств перед кем-либо лишь в мере, в какой они не препятствуют достижению необходимого тебе результата. Откажись от них (уйди от них, сбрось их), если они создают избыточные трудности или делают достижение цели невозможным. Или в более обобщенной формулировке: не ограничивай себя ничем в эффективных действиях. Этот принцип-максима может быть разложен на десятки норм более конкретного значения, вплоть до правил, определяющих политическую стратегию и тактику конкретных типов политических субъектов для пространства либо временного момента локального значения.

И еще о правовых нормах как средстве оформления неправового (экономического, политического, религиозного и проч.) содержания. Он нелогичен с точки зрения элементарной диалектики. Как может правовая форма быть формой «политического» либо какого-то иного содержания? Как может, с другой стороны, политическое поведение не иметь собственных норм, определяющих результативные его варианты, иными словами, как может политическое содержание не иметь адекватной ему формы?

Поясним сказанное маленьким примером. Если в социуме для обеспечения адекватной власти формируется механизм политической иерархии, то функционирование ее и людей в ее рамках будет осуществляться по нормам политического поведения (политическим нормам). Политическая форма (норма, правило, образец) будет охватывать политическое же содержание (практику политических акций, политическое поведение). Например, нейтрализация реального конкурента на конкретный пост в иерархии или значимую политическую должность будет осуществляться по правилам и технологиям, предполагающим эффективное решение именно этой задачи, включая, в том числе, вредительство, компрометацию, манипулирование информацией, пропаганду и контрпропаганду, прочие несимпатичные, но эффективные методы. Физическое устранение конкурента, если иные способы не дали желаемого результата, также, хоть и с некоторым напряжением, укладывается в принципе в рамки политически нормального^{*}.

Если же в иерархическое поведение внедрены другие принципы и механизмы (обоюдные обязанности и ответственность, соблюдение запретов на конкретные действия под угрозой публичного преследования и привлечения к ответственности и т.д.), это означает наличие иного типа отношений, иной социальной практики, иного механизма регулирования, не поглощаемого политическим. Это - поведение и нормы правового типа. Правовое содержание создает потребную себе форму,

^{*} Г.В.Ф. Гегель сформулировал этот принцип емко и кратко: «Будь лицом и уважай других в качестве лиц».

^{*} Самые разнообразные правила эффективных акций политического значения широко освещены нынче в многочисленных книгах о современных политических технологиях.

правовое поведение укладывается в адекватные стандарты, делающие его стабильным, ритмичным, результативным, укладывается, иными словами, в рамки своих собственных норм – правовых.

Подыт оживая...

Термин «правовая политика» скорее публицистичен, чем научен. Тезис о трансформации политики в право, как можно заключить из вышесказанного, реализуем в весьма узких рамках. Право как механизм жесткого сдерживания не имеет полного приоритета перед политикой. Возможно, речь идет о некоторой закономерности (история всех времен пестрит примерами неправовой политики). На сегодняшний день правовая окультуренность политических систем различна, но полной гармонии между политикой и правом нет, видимо, нигде. Вспыхивающие то и дело коррупционные и иные политические скандалы в благополучных, уважаемых государствах подтверждают это, а относительная редкость скандалов говорит лишь о том, что политики этих государств - сдержанны, осмотрительны, аккуратны, способны действовать осторожно и сохранять «сор в избе». Количество «сора» отчасти определяется солидностью «избы». Его может быть сравнительно немного в старинной усадьбе солидных хозяев с вышколенной прислугой. И относительно немало в свежесрубленных постройках новых хозяев - молодых, грубых и неотесанных. Но говорить об «избах», полностью лишенных политического сора, грязи и пыли, не стоит.

При всем благородстве тезиса о правовой политике **, трансформации политики в право и необходимости работать в этом плане, нужно ставить здесь реальные задачи и стараться социологически определить, насколько политика (конкретная акция политического значения) в принципе может быть введена в рамки правовых ограничений.

Пост ушла в редакцию 05.05.2008 г.

** Иногда в специальной литературе говорят даже о «правовой онтологии политики» (См.: Автономов А.С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. – М.: Инфограф, 1999).